

НАКЛОНЕНИЯ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ МОДАЛЬНОСТИ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

В.И. Рассадин *

Глагол в монгольских языках, в том числе и в бурятском, как давно уже установлено исследователями, – лексико-грамматическая группа, представленная разнообразными и достаточно разветвленными грамматическими формами. Среди них наряду с многочисленными залоговыми, видовыми, неличными (причастными и деепричастными) формами большое место занимают разнообразные формы наклонений, соотнесенные с лицом, временем и модальностью. Хотя монгольская грамматика начала изучаться давно, в том числе и глагол, вопрос о составе его наклонений в монгольских языках до сих пор остается открытым и окончательно не решенным. Исследователи находили в монгольских языках разное количество наклонений. Сделаем небольшой обзор этих разных точек зрения.

Так, например, для старописьменного монгольского языка (иногда его называют классическим) в одной из первых его грамматик Александр Бобровников устанавливает 5 наклонений, сообщая об этом следующее: «Наклонений пять, а именно: *неокончателное, повелительное, изъявительное, желательное и сослагательное*» [1835, с. 60]. Алексей Бобровников [1849, с. 130-135] не выделяет наклонений, а говорит лишь об окончательных формах глагола, соответствующих личным в современном понимании, и неокончателных – по-современному неличных. Окончателные он подразделяет на повелительные или общие побудительные, на описательные и повествовательные. При этом в побудительные он включил как различного рода повелительные, так и желательные формы, в состав описательных вошли лишь изъявительные формы настоящего времени, а повествовательных – прошедшего.

Исследователь грамматики бурятского языка XIX в. А. Орлов [1878, с. 62-66] устанавливает для бурятского глагола три части: наклонение, деепричастие и причастие. При этом наклонений выделяет два: повелительное и изъявительное. Повелительное делит на 4 формы: приказательную, просительную, допустительную и желательную, а изъявительное – на две: описательную и повествовательную. Описательная форма у него, как и у Алексея Бобровникова, состоит из «наращений» (по терминологии А. Орлова – В. И.) настоящего времени, а повествовательная – прошедшего.

* Россия, г. Элиста, Калмыцкий госуниверситет

Последующие монголоеды, ученые XX в., мало что внесли нового в изучение наклонений глагола монгольских языков, продолжая выделять в основном те же традиционные два наклонения: повелительно-желательное и изъявительное. Так, Н.Н. Попе в своей «Грамматике бурят-монгольского языка» [1938, с. 207-221] наряду с именными (номинальными) формами глагола – причастиями в современном понимании – и конвербиальными – деепричастиями – определяет для бурятского языка также группу «чисто-глагольных (вербальных) форм», включая в их состав изъявительные формы, формы обращения и формы настроения, причем две последние представляют по сути дела повелительно-желательные формы. Г.Д. Санжеев в «Грамматике бурят-монгольского языка» [1941, с. 66-67] выделяет в бурятском языке среди личных форм только две группы: повелительные и изъявительные формы. Этого же своего мнения он придерживается и в «Грамматике бурятского языка» [1962, с. 247-266], в которой дал раздел «Глагол», установив для бурятского языка два наклонения: повелительно-желательное и изъявительное. Это свое положение Г.Д. Санжеев развил в специальном исследовании «Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол» [1963, с. 95-130, 169-195], в которой говорит лишь об этих двух наклонениях в монгольских языках.

В «Грамматике современного монгольского языка» Б.Х. Тодаевой [1951, с. 98] о наклонениях монгольского языка сказано буквально следующее: «В халха-монгольском, как и в других монгольских языках, в глаголе традиционно устанавливается два наклонения: повелительное и изъявительное». Этот же состав наклонений устанавливается для современного монгольского литературного языка и монгольскими учеными [Орчин цагийн монгол хэл зүй..., 1966, с. 147-152].

В нормативном учебнике для высших учебных заведений «Современный бурятский язык» [1958, с.199] его автор Д.Д. Амоголонов так говорит о наклонениях бурятского глагола: «В чисто глагольных формах бурятского языка различаются два наклонения: 1) изъявительное и 2) повелительно-желательное или, как традиционно принято, изъявительная форма и форма обращения». Такого же мнения придерживался и Ц.Ц. Цыдыпов [1988, с. 64-69].

Несколько иной, более рациональный, по нашему мнению, взгляд на наклонения высказывают калмыцкие ученые [Грамматика калмыцкого языка..., 1983, с. 205]: «Категория наклонения выражает отношение содержания высказывания к действительности. Формы изъявительного, повелительного, желательного и предостерегательного наклонений, употребляющихся лишь предикативно, сопровождаются лично-предикативными частицами лично-местоименного происхождения». Они пришли к совершенно верному выводу, что изъявительное наклонение «...выражает реальные действия, которые соответствуют действительности в том смысле, что при высказывании имеется в виду факт его реализации в настоящем, будущем и прошедшем времени. Внутри указанных времен модальность высказывания, присущая изъявительному наклонению, под воздействием модальных слов и частиц, интонации и контекста может то усиливаться, приобретая более яркое выражение, то ослабляться... Временные формы изъявительного наклонения обозначают такое действие, время совершения которого определяется его отношением к моменту речи» [То же, с. 205-206]. Повелительное наклонение, по их мнению, «... выражает повеление, приказ, призыв и другие оттенки побуждения со стороны говорящего лица, адресованные другому лицу или лицам ... Модальное

значение требования выделяется как основное среди вариантов категорического побуждения...» [То же, с. 227-228]. С категорией модальности правильно связано и желательное наклонение: «Основное значение форм желательного наклонения определяется модальностью желания и намерения» [То же, с. 231], а также предостерегательное. Таким образом, здесь мы видим попытку увязать наклонения калмыцкого языка с категориями времени, лица и модальности, что, по нашему мнению, является верным теоретическим и методологическим подходом.

Попытку по-новому подойти к пониманию природы наклонения и соответственно пересмотреть их состав в бурятском языке сделал Ц.Б. Цыдендамбаев в своей работе «Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном отношении» [1979, с. 134-140]. Считая, что так называемое изъявительное наклонение – это не наклонение в полном смысле данного термина, поскольку не имеет своего формального показателя и связано не с модальностью, а с категорией времени, это – специальные формы для выражения категории времени, он исключил его из состава наклонений. Поскольку наклонения, по его мнению, служат для выражения различных модальных значений, он счел неверным выделять в бурятском языке как единое так называемое повелительно-желательное наклонение, предложив вместо него 6 самостоятельных наклонений, выражающих различные модальные значения: повелительное, увещательное, призывное, желательное, волевое и предостерегательное. Вспомним в связи с этим формы обращения, формы пожелания и формы опасения, выделяемые в бурятском языке Д.Д. Амоголоновым [1958, с. 206], а также наклонения повелительное, желательное и предостерегательное, установленные калмыковедами для калмыцкого языка [Грамматика калмыцкого языка..., 1983, с. 227-234].

Таким образом, даже из приведенного выше беглого обзора истории эволюции взглядов и понимания природы и состава наклонений в монгольских языках видно, что точки зрения были разнообразны и порой противоречивы: то наклонения выделялись, то речь шла просто о различных временных и модальных формах, то о формах обращения и т. п. Не выработалось даже устойчивой терминологии. Попытка применить схему форм и наклонений классического монгольского языка к современным монгольским языкам не всегда давала положительный результат, поскольку историческое развитие монгольских языков шло по самостоятельному пути и не всегда совпадало. Разнообразие фактически существующих в современных монгольских языках форм наклонений, выражающих различные отношения содержания высказывания к действительности, причем не только модального и временного планов, требует особого к ним подхода.

Чтобы разобраться в сути проблемы и установить реальный состав наклонений глагола современного бурятского, например, языка, посмотрим, как трактуется наклонение в общем языкознании. Так, например, в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» [1990, с. 321] о наклонении сказано следующее: «Наклонение – грамматическая категория, выражающая отношение действия, названного глаголом, к действительности с точки зрения говорящего. Наклонение – грамматический способ выражения модальности. Грамматическое значение форм наклонения выводится из их речевого употребления, предполагающего присутствие говорящего (пишущего) субъекта, речь которого включает, наряду с констатацией действия, его оценку как желательного, возможного, предполагаемого и т. п., т. е.

передающую субъективное отношение говорящего к действию. Разные языки располагают различным набором парадигматических форм наклонения, в зависимости от свойственных им модальных значений. Различают 2 типа наклонений: прямое и косвенные. Прямым наклонением является индикатив (изъявительное наклонение), служащий для объективной констатации факта в его отношении к действительности. Этим объясняется обязательное наличие индикатива в языках разных типов. В косвенных наклонениях отражается различное отношение субъекта речи к высказываемому. Разнообразие этого отношения определяет разнообразие парадигм косвенных наклонений в разных языках». В русском языке выделяют 3 наклонения: изъявительное, повелительное и сослагательное [Русский язык. Энциклопедия, 1998, с. 257]. В тюркских языках количество наклонений колеблется от 4 до 12 [Щербак, 1981, с. 43]. Помимо общих для всех тюркских языков прямого – изъявительного наклонения и трех косвенных – повелительного, желательного и условного, в отдельных тюркских языках встречаются и другие формы косвенных наклонений: долженствовательного, намерения, согласительного, предположительного, сослагательного, предельного и вероятностного [То же, с. 66-67]. Для якутского языка устанавливается, к примеру, 10 самостоятельных наклонений [Коркина, 1970, с. 28]. В тунгусо-маньчжурских языках тоже неодинаковое количество и состав наклонений. В эвенском языке, кстати, их выделяют шесть [Роббек, 1992, с. 81]: изъявительное, повелительное, долженствовательное, предостерегательное и сослагательное.

После изучения всех материалов относительно определения сути наклонений и принципов их выделения в различных языках и прежде всего в алтайских, мы пришли к выводу, что общим моментом для всех наклонений во всех языках является выражение в формах наклонений отношения действия (процесса) к действительности (реальной или ирреальной). Индикатив – единственное наклонение, которое не имеет специального показателя в отличие от остальных – косвенных наклонений. Кроме того, изъявительное наклонение не столь тесно связано с модальностью, как косвенные. Формы индикатива выражают реальное действие/состояние и отличаются от других наклонений тем, что лишь утверждают факт осуществления или неосуществления глагольного действия и не содержат оценки действия со стороны говорящего. Формы этого наклонения связаны лишь с категорией времени. Формы индикатива являются одновременно показателями изъявительного наклонения. Косвенные же наклонения, тесно связанные с категорией модальности, отражают нереальное время, мыслимое в то же время в плане будущего. Все косвенные наклонения имеют специальные показатели наклонения. Все наклонения без исключения связаны с категориями лица и числа, т. е. имеет свою парадигму спряжения по лицам.

Попробуем подойти, опираясь на все эти общие положения, к личным формам бурятского глагола. Здесь безусловно прав Ц. Б. Цыдендамбаев [1979, с. 135-139], определив для бурятского языка 6 наклонений, тесно связанных с категорией модальности и выражающих различные модальные значения. Вслед за ним мы тоже в свое время пришли к выводу о целесообразности выделения в бурятском языке, в частности в группе присаянских (окинского, тункинского и закаменского) бурятских говоров [Рассадин, 1996, с. 79-80], не одного повелительно-желательного наклонения, как это делают обыкновенно монголоеды, а 6 самостоятельных наклонений, выражающих модальные значения и имеющих специальные показатели, в которых

отражены категория лица и числа. Эти наклонения суть: 1) повелительное (напр.: *яба* – иди, уходи, *йирэ* – приходи, приди; *ябагты* – уходите, *йирэгты* – приходите; *ябыш* – уходите же, *йирыш* – идите же сюда; *ябыт* – уходите же, *йирыт* – идите же сюда; *бүү яба* – не уходи); 2) увещательное (напр.: *ябаарай~ябаарайш* – ну уходи же, *ябаарайт~ябаарэгты* – ну уходите же; *ябаг* – пусть уходит, *йирэг* – пусть приходит); 3) призывное (напр.: *ябая~ябаябди* – пойдете, давайте пойдём, *йирэе~йирэебди* – давайте придем); 4) желательное (напр.: *ябаһай* – хорошо бы он ушел, только бы он ушел, *йирэхэй* – хорошо бы он пришел, *мүнөөдэр һалһтин бүү болоһой* – хорошо бы сегодня не было ветра); 5) волевое (напр.: *би ябаһуу~ябаһууб* – дай-ка я уйду, *би йирэхүү~ерэхүүб* – дай-ка я приду; *ябуужам~ябуужаб* – я обязательно пойду, *ябуужамди~ябуужабди* – мы обязательно пойдём); 6) предостерегательное (напр.: *тэрэ юмэ муу табяатай, унаһуужа* – та вещь плохо поставлена, как бы не упала; для литературного бурятского языка Г.Д. Санжеев [Грамматика бурятского языка..., 1962, с. 259] дает форму на *-уужа* как допустительную – *ябуужа* – пусть уходит, пусть пойдёт, *ябуужам* – пусть уйдут; для 2-го лица в окинском говоре употребляется в предостерегательном значении форма на *-баи~-бат*: *һайса һуу, унабаи* – сядь хорошо, не то упадешь, как бы ты не упал). Мы сознаем, что названия этих наклонений приблизительные, чисто условные и неокончательные. Многие из этих форм имеют иное название в работах Н.Н. Поппе [1938, с. 217-221], Д.Д. Амоголонова [1958, с. 203-206], Г.Д. Санжеева [1963, с. 95-119, 169-180]. Считаем, что названия их требуют уточнения.

Исходя из понимания сути наклонения, которая заключается в том, что наклонение – это грамматическая категория, выражающая отношение действия к действительности, верным будет утверждать, что окружающая говорящего реальная действительность не заключается только в одной модальности, которая в сущности является лишь одной из форм существования этой действительности. Поскольку действительность существует в пределах времени и пространства, то и язык своими формами отражает это существование. В данном случае глагол выработал в процессе эволюции языка, взаимосвязанной с речемыслительной деятельностью человека, группу специальных форм, выражающих отношение действий (состояний), производимых человеком, или происходящих независимо от него, к действительности в пределах времени. Эта группа специальных форм глагола, выражающих действия/состояния во времени (прошедшем, настоящем и будущем) как раз и составляет особое наклонение, темпоральное (временное) наклонение, которое в грамматиках принято называть индикативом или изъявительным наклонением. В связи с тем, что в нем больше выражена категория времени, а не модальности, то некоторые исследователи исключают его из состава наклонений.

Далее. Поскольку действия/состояния в реальной действительности осуществляются (происходят) в пределах конкретного времени в условиях каких-либо конкретных обстоятельств, разнообразие которых обусловлено самой действительностью, то язык, само собой разумеется, выработал группу специальных глагольных форм, выражающих эти условия и обстоятельства. Особенно это необходимо выразить, если происходят два или более действий/состояний и одно или несколько зависят от другого (или других). Такие зависимые отношения одного действия от другого в монгольских языках обычно выражаются причастными или деепричастными оборотами, в том числе и обстоятельственными. Но в случае, если

выработались специальные формы, которые имеют особые маркеры, указывающие на лицо или лица, совершающие это зависимое действие, т. е. спрягаемые по лицам и числам формы, то речь должна идти уже о самостоятельном наклонении. Такое наклонение должно называться адвербиальным (обстоятельственным). В бурятском языке в пределах данного наклонения речь фактически может идти об условных и уступительных глагольных формах. Так, например, одно действие может быть кем-либо выполнено при условии осуществления другим лицом другого действия. Например: *Шимни мүнөөдэр ажалһаа гэртээ эртэ харьяа һааши, бидэ уулзажа шадахабди* «Если ты сегодня с работы домой вернешься пораньше, мы сможем встретиться». Показателем условной формы обстоятельного наклонения в бурятском языке является *-аа һаа*, которая имеет полную парадигму спряжения и отрицательный аспект: *-аа һаам*, *-аа һааши*, *-аа һаа* (иногда *һаань*), *-аа һаамнай* (*һаабди*), *-аа һаат*, *-аа һаа*, с отрицанием: *-аагүй һаам* и т. д. В говорах вместо *һаа* может быть либо *хада*, либо *болбол* (напр., окин. *һайнаар харюусаа болболини, багша табые табиха* «если хорошо ответишь, учитель поставит пятерку»). Если одно действие совершается вопреки другому, то речь может идти об уступительной форме обстоятельного наклонения. В бурятском языке оно образуется на базе условной формы, которая включает уступительную частицу *-шье*: *-аашье һаам*, *-аашье һааши* и т. д. Например: *Мүнөөдэр хура бороо ороошье һаа, бидэ дача руу ошохолнай* «Хотя сегодня и пойдет дождь, мы поедем на дачу».

Ирреальность действия в бурятском языке выражается спрягаемой составной глагольной формой, состоящей из причастия будущего времени на *-ха* и вспомогательного глагола *байха* «быть» в прошедшем времени. Парадигма спряжения следующая: *-ха байгааб*, *-ха байгааши*, *-ха байгаа*, *-ха байгаабди*, *-ха байгаат*, *-ха байгаад*. Например: *Мүнөөдэр сүлөөтэй болоо һаа, бидэ танайда ерэхэ байгаабди* «Если бы сегодня было время, мы бы к вам пришли».

Таким образом, опираясь на понимание сути наклонения как грамматической формы, выражающей отношение действия к действительности, причем принимая широкий спектр этих отношений, включая не только модальность, т.е. отношение говорящего к предмету высказывания, в данном случае к действию, но и отношение ко времени действия, обстоятельству действия и к реальности действия, а также маркированность этой формы и ее спрягаемость, приходим к выводу, что в современном бурятском языке сложились следующие 4 наклонения со своими конкретными формами, выражающими различные виды отношений действия к действительности:

1. Темпоральное наклонение (изъявительное, индикатив, нарратив, временное):
 - а) Формы прошедшего времени.
 - б) Формы настоящего времени.
 - в) Формы будущего времени.
2. Модальное наклонение:
 - а) Формы повеления (императив).
 - б) Формы увещевания.
 - в) Формы призыва.
 - г) Формы желания и воли.
 - д) Формы опасения и предостережения.
3. Адвербиальное наклонение (обстоятельственное):

- а) Условная форма (форма условия действия).
- б) Уступительная форма (форма уступки действия).
- 4. Ирреальное наклонение:
 - а) Сослагательная форма.

Предложенный здесь нами вариант схемы наклонений бурятского глагола не является окончательным и может быть уточнен, особенно это касается форм модального наклонения.

ЛИТЕРАТУРА

- Амоголонов Д. Д.** Современный бурятский язык. Улан-Удэ: Бур кн. изд-во, 1958.
- Бобровников Александр.** Грамматика монгольского языка. СПб., 1835.
- Бобровников Алексей.** Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849.
- Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология.** М.: ГРВЛ, 1962.
- Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология.** Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983.
- Коркина Е. И.** Наклонения глагола в якутском языке. М.: Наука, 1970.
- Лингвистический энциклопедический словарь.** М., 1990.
- Орлов А.** Грамматика монголо-бурятского разговорного языка. Казань, 1878.
- Орчин цагийн монгол хэл зүй.** Улаанбаатар, 1966. (Грамматика современного монгольского языка. На монгольском языке).
- Поппе Н. Н.** Грамматика бурят-монгольского языка. М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1938.
- Рассадин В. И.** Присяянская группа бурятских говоров. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1996.
- Роббек В. А.** Грамматические категории эвенского глагола. СПб.: Наука, 1992.
- Русский язык.** Энциклопедия. М.: Науч. изд-во «БРЭ», Изд-во «Дрофа», 1998.
- Санжеев Г. Д.** Грамматика бурят-монгольского языка. М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1941.
- Санжеев Г. Д.** Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1963.
- Тодаева Б. Х.** Грамматика современного монгольского языка. Фонетика и морфология. М.: Изд-во АН СССР, 1951.
- Цыдендамбаев Ц. Б.** Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении. М.: Наука, 1979.
- Цыдыпов Ц. Ц.** Морфология бурятского языка. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1988. (На бурятском языке).
- Щербак А. М.** Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Глагол. Л., 1981.